

Т. И. ОРНАТСКАЯ

Николай Ставрогин в свете «некоторых легендарных воспоминаний»

Характерным приемом на всех стадиях работы Достоевского над романом «Бесы» было его обращение — прямое или косвенное — к целому ряду реальных лиц, соотносившихся теми или иными чертами или сторонами характера с героями будущего романа (XI, 106, 115, 116; XII, 218—223).¹ Тем более обращает на себя внимание один пассаж из окончательного текста романа, мимо которого нельзя пройти, говоря о Ставровгине. Имеется в виду рассуждение рассказчика об иных (по сравнению с его современниками) «господах доброго старого времени», о «легендарных господах», которые напомнили ему Николаю Всеволодовича: «Я, пожалуй, сравнил бы его с иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания» (X, 165).²

Обратим внимание на контекст, в котором находится эта фраза: речь идет о том, что герой на дуэли «мог стоять под выстрелом противника хладнокровно, сам целить и убивать до зверства спокойно» (X, 164).

Как известно, в вызревании замысла романа будущий Ставрогин проходил ряд стадий. Итогом наиболее ранней из них были слова, особенно выделенные Достоевским. «В результате: испорченный барчук и больше ничего. Один лишь беспорядок» (XI, 152). И здесь же: «У Князя большая репутация Дон-Жуана» (XI, 153). Чуть дальше: «...обаятельный человек...» (XI, 154). Вскоре в «Фантастической странице» Достоевский отмечает: «Князь ищет подвига, дела действительного, заявления русской силы о себе миру» (XI, 173). В «Нотабене от автора» он настойчиво подчеркивает: «Вообще иметь в виду, что Князь обворожителен, как демон, и ужасные страсти борются с... подвигом. При этом неверие и мука — от веры» (XI, 175).

На протяжении многих страниц подготовительных материалов к роману вновь и вновь замечается, что будущий герой — «мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до „быть или не быть?“» (XI, 204). Наконец, в позднейших разработках от лица самого героя говорится: «Нет, я не из разочарованных. Я думаю, что я из развратных и праздных» (XI, 266); «Из меня вылилось одно бесстрашное отрицание безо всякого величия» (XI, 304).

¹ Здесь и далее ссылки в тексте даются по изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990, с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

² Курсив наш. — Т. О.

Подчеркнем, что все приведенные выписки сделаны из подготовительных материалов к той части будущего произведения, которая соотносится с «романом-трагедией», «романом-поэмой» (см. об этом в письме Достоевского М. Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г. О Ставрогине здесь говорится: «...это характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества)» ХХІХ₁, 142), а не с замыслом «политического памфлета». Именно к первой стадии относятся слова из этого же письма к Каткову: «Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его» (там же). Последние слова являются отсылкой к более раннему замыслу — «Житию великого грешника», герой которого во многом близок Ставрогину.

Итак, какие же «легендарные воспоминания» могли привлечь внимание Достоевского и с кем из «прошедших господ» они могут соотноситься?

Как уже отмечалось исследователями, Достоевский во время работы над «Бесами» не раз обращался к «Былому и думам» Герцена,³ и, разумеется, он не мог не обратить внимания на блестящую герценовскую характеристику человека, представляющего собою как бы иллюстрацию к его собственным словам о «...великой праздной силе, ушедшей нарочито в мерзость» (ХІ, 25). Речь идет о графе Федоре Ивановиче Толстом (1782—1846). В ХІV главе второй части «Былого и дум» говорилось о том, что «...удушливой пустотой и немотой русской жизни» обусловлены были и «буйные преступления Толстого-Американца». «Он буйствовал, обыгрывал, дрался, уродовал людей, разорял семейства лет двадцать сряду, пока, наконец, был сослан в Сибирь, откуда „вернулся алеутом“, как говорит Грибоедов, т. е. пробрался через Камчатку в Америку и оттуда выпросил дозволение возвратиться в Россию (...) Женатый на цыганке, известной своим голосом и принадлежавшей к московскому табору, он превратил свой дом в игорный, проводил все времена в оргиях, все ночи за картами...».⁴

Этот сумрачный, в некоторых деталях (биографических) неточный портрет Ф. Толстого в сочетании с известным его изображением Грибоедовым («ночной разбойник, дуэлист...»), Пушкиным («...Или философа, который в прежни лета / Развратом изумил четыре части света...» — «Послание к Чаадаеву»; «...Бывало льстивый голос света / В нем злую храбрость восхвалял: / Он, правда, в туз из пистолета / В пяти саженях попадал...» — «Евгений Онегин», а также Сильвио — «Выстрел»), П. А. Вяземским («...Американец и цыган, / На свете нравственным загадка, / Которого как лихорадка / Мятежных склонностей дурман / Или страстей кипящих схватка / Всегда из края мечет в край; / Из рая в ад, из ада в рай... —»),⁵ несомненно, обратил на себя внимание Достоевского. Тем более что легенда, постоянно творимая вокруг Толстого, единодушно «подавала» его как человека одновременно «необыкновенного, преступного и привлекательного» (с. 7; слова Л. Н. Толстого, его двоюродного племянника).

Прежде чем перейти к более подробному «разбору» «легендарных воспоминаний» о Толстом, заметим, что уже в подготовительных материалах к «Бесам» обнаруживаются прямые отсылки к его биографии (не случайно

³ См.: Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен (У истоков романа «Бесы») // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 219—239. См. также в комментарии к роману: ХІІ, 176—178.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 242—243.

⁵ Перечень литературных «характеристик» или распространявшихся в списках и устно легенд о Толстом можно было бы продолжить. Они собраны в кн.: Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М., 1926. Все биографические и иные параллели, использованные далее, извлечены из этой книги. Ссылки на цитаты из нее даются в тексте только указанием страницы.

Достоевский повторял: «...такие люди у нас есть» — XI, 100),⁶ причем детали эти таковы, что их вряд ли можно отнести еще к какому-либо лицу.

В одной из ранних разработок «князя-аристократа» говорится: «Управляет имениями» (XI, 100). В жизни графа Ф. И. Толстого был именно такой эпизод: размотав в кутежах и карточной игре свое состояние, он вынужден был принять на себя управление имениями князя В. Ф. Гагарина и управлял ими довольно долго, честно и толково.

Примерно в это же время появляются применительно к «князю-аристократу» и такие штрихи: «Он в высшей степени гражданин», «...нашел правду в идеале России и христианства», «Христианское смирение и самоосуждение» (XI, 101, 116). Ф. И. Толстой тоже не только отличался буйным нравом, молодечеством, презрением к моральным нормам своего круга и т. д. и т. п.; но, когда того потребовал его долг, Россия, он оказался в «высшей степени гражданином», способным на беспримерный подвиг. Он и в шведской войне проявлял отчаянную храбрость. Так было и в сражении под Иденсальме, в котором Толстой всего с несколькими драгунами бросился наперерез шведскому отряду, не дав тем самым врагу разобрать мост. Отличился он и в операции, позволившей М. Б. Барклаю де Толли совершить знаменитый переход по льду Ботнического залива. Но полностью Толстой проявил себя в сражении при Бородине. Он отправился на Отечественную войну добровольцем-ополченцем (будучи разжалован в рядовые незадолго до Бородина), заслужил славу героя 1812 г. и вернул себе военный чин.⁷

Известно также, что под конец жизни (он умер в 1846 г. 64 лет) Толстой «сделался богомольным» и «умер христианином». «Я слышал, — писал один из мемуаристов, — что священник, исповедовавший умирающего, говорил, что исповедь продолжалась очень долго, и редко он встречал такое раскаяние и такую веру в милосердие Божие» (с. 93).

Параллели между Ставрогиным и Ф. Толстым можно продолжать и продолжать, начав хотя бы с того, что оба они получили «весьма порядочное» (X, 37) образование, после чего Ставрогин «был зачислен в один из самых видных гвардейских кавалерийских полков» (X, 35), в котором пробыл, впрочем, недолго: за проступки он был «разжалован в солдаты» в «один из пехотных армейских полков», а затем вскоре «вышел в отставку» (X, 36). Ф. И. Толстой по окончании Морского корпуса был зачислен в гвардии Преображенский полк («виднее» не было), из которого за неоднократные убийства на дуэлях и прочие «проступки» был переведен поручиком в пехотный гарнизон. Вернув на шведской войне право возвратиться в полк, он был за очередное убийство на дуэли разжалован в рядовые, участвовал в Бородинском сражении, был ранен, вернул воинское звание и вскоре вышел в отставку.

Ставрогин «...изъездил всю Европу, был даже в Египте и заезжал в Иерусалим; потом примазался где-то к какой-то ученой экспедиции в Исландию...» (X, 45). Ф. И. Толстой был участником первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806 гг.), возглавлявшейся И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским. И пожалуй, самое большое число легенд, связанных с его именем, относится именно к этому периоду его жизни. Высаженный Крузенштерном (за целую серию непозволительных «шалостей») на Алеутских островах, он через Америку добрался до Петербурга «татуированным

⁶ Ср. со словами из известного письма к Любимову: «...это целый социальный тип (в моем убеждении), наш тип, русский...» (XXIX₁, 232).

Характерны слова Пушкина из письма Ф. И. Толстому от 27 мая 1829 г. Упомянув о встрече с А. П. Ермоловым, поэт писал: «...я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 46).

с головы до ног» (с. 21). Серия новых легенд сопровождала его имя по возвращении. С этого же времени неперменной частью его фамилии стало прозвище — Американец.⁸

В вопросе Шатова Ставрогину о том, не принадлежал ли он «к скотскому сладострастному секретному обществу» (X, 201), можно уловить отклик на легенду о Толстом и обезьяне, бывшей с ним во время плавания и которую злые языки называли его «женой». Рассказывали также, что, высаженный на необитаемый остров, Толстой первое время питался ею (с. 25—26).

Несмотря на такого рода «легенды», несмотря на шулерство в карточной игре, несмотря на 11 человек, убитых на дуэлях,⁹ в свете Толстой (как и Ставрогин) считался одним из самых завидных женихов. Женился же он на цыганке из табора, и об этой женитьбе тоже ходили легенды. Не столь важно, что у этой женитьбы и женитьбы Ставрогина на Хромоножке были разные мотивы. С точки зрения света обе были равно скандальны.

Параллели можно было бы продолжать, но думается, что и приведенных достаточно, чтобы увидеть в «легендарном» Толстом переключку с типом «загадочного и романического» (X, 179) героя «Бесов», сущность которого хорошо выражается излюбленным словечком Достоевского «безудерж».

К сказанному можно прибавить, что Ф. И. Толстой был родственником А. Н. Майкова (по материнской линии) и в начале 1840-х гг. приезжал в Петербург, что, разумеется, оживило «легенды» о нем. А если вспомнить при этом, что в свое время он был приятелем таких людей, как П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский, А. С. и В. Л. Пушкины, И. И. Дмитриев, Д. В. Давыдов, то не останется сомнений, что приезд его был замечен в петербургских литературных кругах, в том числе в доме его родственников Майковых. Смерть же Ф. И. Толстого, последовавшая в год знакомства Достоевского с А. Н. Майковым и его семейством, могла вызвать новые «легендарные» воспоминания о нем.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод, что Ф. И. Толстой с гораздо большим основанием может считаться прототипом героя Достоевского, чем традиционно называемые М. А. Бакунин или Н. А. Спешнев. И это «основание» — сам текст «Бесов».

⁸ В факте пребывания Ставрогина в Америке нет ли намек на этот эпизод жизни Ф. И. Толстого?

⁹ Единственная предполагавшаяся дуэль, не приведшая к убийству, потому что Толстой сам пошел на примирение, — это дуэль с А. С. Пушкиным (с. 53—54).